

ПОВЕЛИТЕЛИ ПРОСТОРОВ

СИГНАЛ «ГОНЧИЕ, ВПЕРЕД!»

Рене Жюльяру

I

С охоты ехали шагом. Мелкий осенний дождик, нудный и промозглый, усиливал терпкий запах взмокших лошадей и ароматы вечернего леса.

Кортеж возглавлял одинокий всадник. Под намочшей красной курткой угадывались костлявые, чуть покатые плечи. На поясе висел охотничий рог.

Головкой хлыста он ласково поглаживал блестящую от воды шею лошади. Высокая гнедая кобыла слегка поводила ушами и аккуратно обходила лужи.

— Давай, Дама Сердца! Давай, моя красавица, — вполголоса сказал всадник.

И вдруг, поджав тонкие губы, затрубил сигнал «Гончие, вперед!».

По времени надо было бы трубить «сбор», но рог он не трогал. Он выводил сигнал губами, с детства наловчившись подражать духовым инструментам. Он не пел, а точно передавал звук трубы, и сигнал замирал в лесной чаще.

Голоса едущих сзади псовых охотников тонули в сырой мгле, и было слышно только, как чавкают

по грязи лошадиные копыта да как губы всадника до бесконечности воспроизводят один и тот же сигнал.

Неожиданно всадник насторожился и придержал Даму Сердца. Слева из леса донесся визгливый собачий лай. Собака, которая гонит дичь, так не лает. Так лает собака, которой больно. Склонив голову набок, всадник прислушался.

К нему подъехал совсем юный охотник — судя по одежде, гость.

— Месье Сермюи? — робко спросил он.

— К вашим услугам.

— Вы слышали? Говорят, что скотину...

— Зарубите себе на носу, месье, что собака — не скотина.

Тонкие губы приоткрылись, и коротко подстриженные седоватые усики чуть дернулись.

Юноша, который еще только начал ездить на охоту, залопотал, желая исправить положение:

— Прошу прощения. Хотите, я съезжу... посмотрю?

— На что посмотрите? Я уже достаточно взрослый, месье, чтобы самому заниматься своей командой.

И, бросив гостя, барон де Сермюи перепрыгнул через поправшуюся на пути канаву, пустил лошадь в галоп и ускакал в чащу.

Фалды охотничьей куртки развевались на скаку, лужи вспенивались под копытами. Сжав бока кобылы черными сапогами, он безошибочно задавал ей направление между буками, растущими в опасной близости друг от друга. Миновав вересковую поляну и спустившись по откосу вниз, барон по-

скакал дальше, пригнувшись, чтобы не задеть нижние ветки, поминутно окатывавшие его водой.

Волнующий, желанный простор приближался. Всадник выскочил на заваленную бревнами прогалину.

На другом ее краю, прижавшись к земле, визжала привязанная к дереву собака из лучшей гончей своры. Ее изо всех сил хлестал арапником человек в ливрее.

Сермюи ринулся через поляну и, на скаку вытащив ногу из стремени, ударил псаря каблуком в плечо, да так, что тот кубарем покатился по земле.

Дама Сердца остановилась. Остолбеневший от неожиданности псарь, не поднимаясь с земли, тупо глядел на свою окровавленную руку, а собака, в ярости порвав поводок, с лаем бросилась на него.

Псарь съежился, лицо его вытянулось от страха. Для собаки он был врагом и теперь лежал — поверженный, пахнувший кровью. Он понимал, что от лучшей из гончих при таких обстоятельствах пощады ждать не придется.

— Фало! Назад! — крикнул всадник. — Назад, я сказал!

Собака еще раз рывкнула, отвела налившиеся кровью глаза и угрюмо забежала за круп кобылы.

Псарь, здоровенный смуглый парень с низким лбом, тяжело поднялся, дрожа от страха и гнева.

— Ваша собака меня укусила! — крикнул он и, не выпуская плетки, показал укушенную руку.

— Потому что ты мерзавец и неряха, — ответил Сермюи.

— Укусила, и уже не в первый раз, — повторил псарь.

Он вскочил, замахнулся плеткой, и тут на миг его глаза встретились с узкими серыми глазами всадника, блестящими из-под густых бровей.

Дама Сердца отпрянула в сторону. Сермюи быстрым движением выхватил свой арапник. Плеть щелкнула возле самого лица пса, но тот как стоял, так и остался стоять с поднятой рукой. И тогда он услышал:

— Ты заслужил хорошую порку. Это ты понимаешь? Все, с меня хватит. Вот Бог, а вот порог! Убирайся, и на этот раз никакого прощения тебе не будет!

Всадник повернулся спиной и ускакал обратно в лес, чтобы занять свое место во главе охоты. Фалло, с обрывком поводка на шее и со следами арапника на мокрой шкуре, трусил возле копыт Дамы Сердца.

— Эй, Залом!¹ — позвал Сермюи.

Первый доезжачий² рысью подъехал к нему. Несмотря на преклонный возраст, он ловко и непринужденно держался в седле.

— Я, господин барон!

Доезжачий снял шапку, прижав ее к груди, и дождик принялся барабанить по его лысине.

— Надень шапку, — сказал Сермюи. — Залом, я увольняю твоего сына.

Залом заметил, как по лицу хозяина, от носа к подбородку, пробежала судорога гнева. Доезжачий бросил взгляд на собаку:

---

¹ *Залом* — место прохода зверя, отмеченное сломанной веткой. Таково было прозвище доезжачего. (*Здесь и далее примеч. перев.*)

² *Доезжачий* — старший псарь, обучающий собак и распоряжающийся ими на охоте.

— Это из-за Фало, господин барон? Я так и подумал. Всех ваших собак можно узнать по голосу, а уж эту и подавно. Я должен был сразу поехать и вмешаться.

Сермюи не ответил. Он пристально вглядывался в клубы пара, поднимавшегося от шеи кобылы после скачки. Доезжачий так и стоял, прижав к груди шапку.

— Это должно было случиться, — снова заговорил он. — С самого начала, как только Фало появился в своре, у них с Жюлем что-то не заладилось. Я ему всегда говорил, Жюлю, что с собаками нельзя давать промашки. Жаль, потому что работник он дельный.

— Нет, я в нем больше не нуждаюсь, — отрезал Сермюи. — Тем более что он поднял на меня руку.

— Как он посмел! На хозяина!

— Мы оба вели себя как мальчишки. Я его уже не в первый раз укладываю на землю.

Оба на миг замолчали, глядя друг на друга: обитатель замка и обитатель псарни. Они провели вместе целых тридцать лет, которые для хозяина начались в раннем детстве, а для слуги — в лучшую пору жизни.

— Месье всегда был так добр к Жюлю, — сказал Залом.

— Да, но на этот раз хватит. Собаку не привязывают, чтобы наказать.

Залом вдруг резко выпрямился:

— Да, господин барон прав. Это унижение для собаки.

Его мокрые редкие волосы прилипли к голове.

Всадники подъехали к опушке. За лесом началась просторная равнина, где ливень чувствовался гораздо сильнее.

— Надень шапку, я сказал.

Залом пошевелил рукой, но шапку не надел.

— Я так полагаю, месье больше не хочет, чтобы Жюль работал на псарне.

— Ни на псарне, ни в замке! Завтра твой сын уедет. Я его больше знать не желаю.

— Ни в замке... — повторил доезжачий. — Простите, господин барон, но Жюль, со всеми его недостатками, — единственное, что у меня осталось... Ну вот... а как же я теперь... — взволнованно закончил он.

И он увидел себя: старого, вдового, как он завтра вечером в одиночестве будет зажигать керосиновую лампу в маленьком домике рядом с псарней. Сына выгнали...

— А ты, старина Бернар, поступишь так, как захочешь.

Назвав доезжачего его настоящим именем вместо привычного охотничьего прозвища, Сермюи дал ему понять, что не держит на него зла. И тут же снова принялся наигрывать губами сигнал «Гончие, вперед!».

Залом понимал, что уже слишком стар, чтобы менять привычки и переходить в другую охотничью команду. Он подумал о том, с чем ему придется расстаться: с красной одеждой доезжачего, с собачьей сворой, с лесом... и с этим сигналом, который для него — как хлеб насущный.

— Что до меня, — сказал он, — то, если господин барон захочет, я останусь.

И глаза старого доезжачего потеплели от собственного решения и размера собственной жертвы. Как был, с непокрытой головой, он придержал лошадь на опушке леса, чтобы хозяин мог первым выехать на простор.

II

Получив приказ о мобилизации, барон де Сермюи сразу поднялся в свою комнату, где его уже ждали приготовленный мундир лейтенанта резерва и сундучок с замками.

— Позовите ко мне Залома, — велел он камердинеру.

Одеваясь и рассовывая документы по карманам офицерской куртки, барон оглядывал в зеркале, причем без всякого удовольствия, свою высокую тощую фигуру.

«Не староват ли я для войны?» — подумал он.

Да нет, ему едва исполнилось тридцать шесть. Разве что седая прядь надо лбом...

Его первая любовница однажды бросила ему в сердцах: «Ты хорош для мужчин, но не для женщин».

Потом у него, конечно, были и другие женщины, но эти слова он запомнил на всю жизнь. Он понимал, что серые глаза, длинный нос и узкогубый рот не добавляли ему привлекательности. Зато в мужской компании он и вправду был хорош. Он слегка поиграл мускулами под формой, чтобы оценить себя в новом облачении и немного привыкнуть.

Когда вошел доезжачий, барон как раз поправлял ремень.

— Мое боевое седло готово?

— Все сделано, как велел господин барон.

Сермюи достал пистолет из выдвижного ящика секретера.

— Месье очень идет военная форма, — сказал Залом. — Вы в ней смотрите моложе.

— В самом деле? — обернулся барон.

От него не укрылось, как растроган доезжачий.

— Седлай Даму Сердца к одиннадцати, а к полудню скачи на ней в Алансон, в кавалерийскую часть. Если кто спросит, отвечай, что это моя боевая лошадь.

— Хорошо, господин барон.

— И распорядись также, чтобы мои вещи доставили на машине туда же.

Барон спустился по широкой белой лестнице и бросил взгляд на охотничьи трофеи, украшавшие стену. На дубовых дощечках красовались десятки оленьих и кабаньих копыт. В холле столпилась вся прислуга замка. Холостой и бездетный, Сермюи порой остро ощущал свое одиночество.

Он обошел всех, с каждым попрощавшись за руку.

— Возвращайтесь скорее, господин барон, — сказал управляющий. — Здесь все будет в порядке.

— Я на вас надеюсь, Валентен.

Сермюи вышел на крыльцо, и его встретило последнее утро августа. На лужайках уже виднелись редкие опавшие листья. В знакомом до мельчайших оттенков воздухе Нормандии хозяин замка уловил первые запахи, предвещающие осень. Этот охотничий сезон пройдет без него.

Он направился в капеллу. Сквозь цветные витражи пробивалось солнце, оставляя яркие пятна

на плитках пола. Сермюи на миг преклонил колени. Здесь под известняковыми плитами покоились его предки, и он пришел поклониться их праху. А если его убьют на войне, то где похоронят?

Когда он вышел, машина была уже готова. За-лом ждал его, придерживая дверцу.

— Удачи вам, друзья, — произнес барон.

Он повел машину по песчаной аллее, окаймленной апельсиновыми деревьями в кадках, но не поехал к воротам, а свернул налево, в парк, и остановился перед псарней. Он вошел внутрь с арапником в руках и оглядел собак, учуявших хозяина.

— Фало! — позвал барон.

Подбежал Фало, и глаза у него были грустные, как у всякой собаки, которую бросают. Фало молча ткнулся лбом в колени Сермюи.

Ш

Рано утром в конюшнях первого эскадрона уже чистили лошадей. Работали нехотя: для тех, кто этим занимался, мобилизация началась с наряда.

Только капралу Жюлю Бриссе занятие это, казалось, было по душе. Он скинул новую рабочую блузу, полосатая хлопчатая рубаша крупными складками легла вокруг талии, из засученных рукавов выглядывали сильные волосатые руки. Быстрым движением он проводил щеткой один раз по лошади, один раз по скребнице, и в поднятой против ворса лошадиной шерсти сразу же была видна застрявшая грязь. Это двойное движение: лошадь — скребница, лошадь — скребница — успокаивало Жюля Бриссе, а для него признаком

счастья и благополучия было полное спокойствие, то есть отсутствие вспышек гнева.

Лоб его покрылся каплями пота, вокруг лошадиного крупа клубилась белесая пыль. И было слышно, как Жюль Бриссе распевает какую-то песню, в которой каждый куплет заканчивался возгласом: «Тайо-хо! Тайо-хо!»

— Ого, капрал, непохоже, чтобы вы скучали! — воскликнул тощий рыжий остроносый парень по имени Дюваль.

— Можешь говорить мне «ты», мой мальчик, — ответил капрал. — Теперь, когда на дворе война...

— Пока еще не на дворе, — заметил крестьянин, собиравший рядом с ними лошадиный навоз в тачку.

— Да уже почти что война, если меня опять призвали на военную службу! — отозвался рыжий и, облокотившись о спину своей лошади, добавил: — А чем ты занимался на гражданке?

— Я был фермером в Аржантане, — произнес с сильным местным акцентом человек с тачкой.

Он отнес вопрос на свой счет, потому что в эту минуту как раз думал о своей ферме.

Кaprал ответил не сразу.

— Я был псарем в охотничьей команде, — сказал он медленно. — Занимался гончими для псовой охоты... Хорошее ремесло, если его знать. Я служил у одного барона, был сыт, устроен и одет — дай боже каждому! Но я ушел от него.

— Почему?

— Мы поругались.

Он не решился открыться, что вот уже более года работал помощником мясника. Но в этом ре-

мелле умение метко стрелять было ни к чему, а потому не приносило ему ни радости, ни гордости.

Запах, шедший от лошадей, напоминал ему терпкий воздух псарни, а смолистый аромат утреннего леса на мгновение вернул в детство.

«Не надо мне было тогда, с собакой, — подумал он. — Сам виноват, теперь буду жалеть. И на хозяина не надо было замахиваться. А там ведь было мое настоящее место». И снова замурлыкал: «Тайо-хо! Тайо-хо!»

Подошел унтер-офицер, наблюдавший за чистой лошадой.

— Все трое — на представление к лейтенанту, ваша очередь.

В коридоре здания, где располагался эскадрон, уже стояли, выстроившись в шеренгу, человек десять резервистов.

Из двери, на которой мелом было написано «Второй взвод», вышел какой-то солдат. Его тут же забросали вопросами.

— Ну, что спрашивал лейтенант?

— Ой, кучу всего. Сколько лет, есть ли аттестат, где живу. И вид у него был недовольный.

— Это тот, с длинным носом? Помнишь, мы его недавно видели?

— Тот самый.

— Кажись, аристократ. Сермюи, вот как его зовут.

— Вот оно что! — протянул Жюль Бриссе.

— Следующий! — крикнул сержант. — Капрал, проходите первым.

И он втокнул Жюля в маленькую, выбеленную известью комнату. В углу за столом сидел

Сермюи и что-то писал. Бывший псарь увидел знакомый суровый профиль и прядь седых волос надо лбом, и у него бешено забилося сердце.

— Капрал Бриссе, Жюль! — щелкнул он каблуками.

Сермюи остался сидеть, склонившись над бумагами.

«Наверное, мне надо сделать первый шаг, — подумал Жюль. — Я ведь должен извиниться».

Сделав над собой огромное усилие, которое уже само по себе принесло ему облегчение, он начал:

— Господин барон...

— Дата рождения?

Лейтенант не поднял головы.

— Вы что, друг мой, не знаете даты своего рождения?

— Одиннадцатого марта тысяча девятьсот шестого года, — пробормотал капрал, у которого разом пропало хорошее настроение.

— Родители?

— У меня остался только отец.

— Мать умерла, — бросил лейтенант писцу. — Назовите адрес на случай, если с вами что-нибудь произойдет.

— Бриссе Бернар, доезжачий в замке...

Жюлю хотелось крикнуть: «Вы же сами все знаете! Могли бы хоть показать, что узнали меня!» — но он взял себя в руки.

— Замок Сермюи, Орн, — произнес он, чувствуя, как закипает гнев.

Как ни в чем не бывало Сермюи занес в список собственное имя.

— Ваша профессия перед мобилизацией?

Капрал так много думал о собаках, конюшне, охоте, что машинально выпалил:

— Псарь!

Глаза цвета серого камня наконец поднялись на него.

— Я сказал — перед мобилизацией.

— Помощник мясника, — выдавил Жюль.

— Друг мой, — положил ручку Сермюи, — я должен повторить вам все, что уже говорил вашим предшественникам. Я буду требовать от вас абсолютного подчинения. Мы здесь не для развлечения, а для того, чтобы выполнить свой долг. И надеюсь, что могу на вас рассчитывать. Если в дальнейшем у вас появится нужда в чем-либо, я всегда буду готов вас выслушать и сделать все от меня зависящее. Благодарю вас. Вы можете идти. Следующий!

Жюль почувствовал себя побежденным, совсем как тогда в лесу. И, как тогда, на него накатило непреодолимое желание ударить.

— Я сказал — следующий!

Когда Жюль вышел в коридор, ему показалось, что он вот-вот лопнет от злости.

— Эй, капрал, ну как он себя вел? — начали спрашивать остальные новобранцы.

— А как он может себя вести? Сами посудите! Это у него я служил псарем. Я его узнал. Он к животным относится лучше, чем к людям. Вот увидите.

И Бриссе вышел во двор.

По двору бесконечно сновали фургоны и фуражные повозки. Въезжали автомобили, из них выпрыгивали офицеры в голубых кепи, и автомо-

били снова уезжали. Сквозь крики, приказы и грохот колес пробивались звуки труб. В жарком воздухе клубилась пыль.

Но чувствовалось, что при всей этой неразберихе идет четкая работа: резервисты разбиваются на группы, коней подводят к поилкам, разгружают снаряжение, эскадроны строятся.

Во дворе Бриссе вдруг увидел Залома, ведущего под уздцы Даму Сердца. Но особой радости при виде отца не почувствовал.

— Это ты барону доставил Даму Сердца?

— Как видишь, мой мальчик, — ответил Залом. — Вот уж не думал тебя здесь увидеть! Вот удача-то!

— Что ж ты еще и Фало не привел? Для полного комплекта!

— Жюль, ну почему ты так?

— Нипочему!

Неожиданно раздалась команда:

— Второй взвод, стройся!

И Жюль, вместо того чтобы попрощаться с отцом, процедил сквозь зубы:

— Он заплатит! Он у меня за все заплатит!

IV

Летелье, крестьянина из Аржантана, сделали денщиком.

Летелье не отличался умом, зато обладал чувством дистанции. Но его одолевала потребность непрерывно говорить о своем хлеве, скотине и полях. Хотя он вынужден был признать, что лейтенант не слишком-то разговорчив.

Когда же он узнал, что капрал Бриссе занимался псовой охотой, а псовая охота нередко проезжала мимо родной фермы, то начал донимать воспоминаниями Жюля, и Жюль сделался для него важной персоной. А капрал не уставал повторять, что лейтенант «лучше относится к животным, чем к людям».

Он говорил об этом, когда взвод остановился на постой в деревушке на краю Арденнского леса и Сермюи сначала занялся конюшнями, а потом уж расселением людей.

Он напоминал об этом во время полевых занятий, когда Сермюи, запретивший галоп с полной выкладкой, заставлял людей тянуть лошадей по непролазной грязи.

Те же разговоры он заводил по поводу кормежки. И солдаты, для которых утренний и вечерний суп составляли главные события дня, верили, что их «кормят хуже, чем скотину».

Так, шаг за шагом, злоба Жюля разливалась вокруг, как масло, и все благодаря силе слова.

Однажды декабрьским вечером после ужина Жюль заявил:

— Хватит с нас жратвы из холодильника. Завтра добудем свеженькую. Это говорит вам капрал Бриссе.

— Bravo, капрал! — загалдели вокруг. — Но где ты ее возьмешь?

— Ты сможешь пойти и сказать лейтенанту, что так больше нельзя? — спросил путевой обходчик Февр, здоровенный детина, весельчак и балагур.

Соображение Февра Жюлю не понравилось: пойти к лейтенанту было единственным, на что он не был способен.

— Я ничего не смогу сказать, — ответил он, напустив на себя таинственный вид. — Это должно остаться между нами. — И обернулся к Дювалю: — Ты у нас ушлый, сможешь раздобыть несколько полосок старой кожи?

— И новой смогу, — отозвался рыжий.

Лицо Летелье, который поначалу не уловил сути разговора, вдруг просветлело.

— Понял! — сказал он, подмигнув Бриссе, и пошевелил пальцами, словно завязывая узел. — Я готов пойти, потому что знаю, как это делается. Я и у себя в поле, в Аржантане...

Февр, которому хотелось обратить на себя внимание капрала, спросил:

— А можно, и я тоже?

— Нет, в другой раз, — отрезал Жюль, словно речь шла о поощрении. — Для этого полсотни человек вовсе не требуется. Сегодня вечером пойдут Дюваль и Летелье.

Когда совсем стемнело, троица отправилась в деревню.

Именно в этот час офицеры эскадрона — капитан Нуайе, лейтенант Сермюи, двое младших лейтенантов и один курсант — встали из-за стола.

Все трое появились на крыльце большого кирпичного здания, которое крестьяне торжественно называли замком и которое служило одновременно командным пунктом, домовою церковью и жилищем капитана.

Внизу у лестницы ждал автомобиль. Тусклый свет, пробивавшийся из холла, слабо освещал силуэты пяти офицеров.

— Спокойной ночи, господа, — с легкой иронией произнес капитан. — Само собой, я ничего не знаю. И все же, пожалуйста, не задавите полковника и не бейте слишком много бутылок.

Раздались три смешка, потом четыре щелчка каблуками, за которыми последовало «Честь имею, господин капитан», сказанное четырьмя разными голосами. Капитан вошел обратно в дом, остальные быстро сбежали с лестницы. Свет в холле погас.

Курсант, зябко кутаясь в пальто, подпрыгивал то на одной ноге, то на другой.

— Ну, Сермюи! И вам не совестно? Вы решительно не идете?

Сермюи, которому не понравилась фамильярность курсанта Дартуа, сухо ответил:

— Благодарю вас, но я уже сказал «нет».

— Но послушайте, ведь капитан обещал, что закроет глаза...

— Капитан, может, и закроет глаза, но он остался на командном пункте.

Тут в разговор вмешался младший лейтенант Дезобрейе.

— Брось, Дартуа. Если Сермюи это не нравится... — насмешливо и чуть раздраженно начал он.

Сермюи, прекрасно знавший все местные достопримечательности, заметил:

— Мой дорогой, я очень люблю хороших собак, я люблю хороших коней, и у меня нет некрасивой

жены, чтобы устраивать сцены... — И, ничего больше не добавив, вошел в темную аллею.

— Наш лейтенант мог бы быть и пообщительнее, — бросил Дартуа, садясь за руль.

— Не надо было тебе его отчитывать, — ответил Обрейе, который уже успел забраться в машину.

— Этот Сермюи умеет выделять одну забавную штуку. В столовой он наигрывал губами охотничьи сигналы, — произнес Форимбер, второй младший лейтенант. — Никогда не слышал, чтобы кто-нибудь так здорово подражал трубе. Но кроме этого...

Автомобиль нагнал Сермюи, когда тот уже вышел из ворот. Он пересек церковную площадь и большими шагами пошел по главной улице. Холод его не беспокоил.

Обычно он любил прогуляться перед сном. Но в такие вечера, как этот, когда друзья, с молчаливого разрешения капитана, уезжали развлекаться в город, Сермюи старался не покидать расположение отряда, совершая своеобразный обход местности.

Сермюи свободно передвигался в темноте, ибо ночью видел почти так же хорошо, как днем. Он заметил, что на земле возле дома валяется подпруга, а дверь в конюшню закрыта неплотно. Сермюи тут же велел часовому законопатить щель.

— Вы что, не понимаете, что лошадям дует?! Чтобы этого больше не повторилось!

Он прекрасно знал: наутро и то, что он не пошел с остальными, и этот ночной обход будут го-

рячо обсуждаться. И бойцы его взвода непременно скажут: «Эх, оказаться бы вместе с курсантом или с лейтенантом Обрей!»

Его уже не раз заставляло врасплох знаменитое «хуже, чем с животными»...

Он подошел к группе домов. И тут ему показалось, что в сторону леса метнулись какие-то тени. Сермюи не был фантазером. Ему не мерещились ни шпионы, ни парашютисты. Он даже не стал вынимать пистолет из кобуры, а просто пошел дальше в поле, напевая сигнал «Гончие, вперед!».

Жюль Бриссе решил расставить в лесу силки не только ради роста собственной популярности. Если Летелье было плохо, если он не чувствовал тучной земли луга или вспаханного поля под ногами, то бывшему псарю не хватало клубящихся под ветвями запахов зимнего леса и горячих прикосновений к шкуре дичи.

Кроме того, с тех пор как он попал под начало барона, единственное, что могло доставить ему радость, было нарушение запрета.

Шедший за ним Дюваль был далеко не в таком прекрасном расположении духа. Во-первых, рыжий не видел ни зги в этой безлунной ночной тьме, и, чтобы хоть как-то ориентироваться, ему приходилось держаться за шинель Жюля. Во-вторых, ему было страшно, потому что все свободное от бахвальства место в его душе занимал страх.

— Кто его знает, — сказал он придушенным голосом, — может, и не надо завтра утром тащить кролика лейтенанту?

Он отправился с Жюлем, чтобы потом всем растрезвонить про свой подвиг, а капрал только

для того его с собой и взял: ему нужен был распространитель информации.

— Кролика еще надо поймать, — добавил Дюваль, который боялся показаться смешным в случае провала операции.

— Не бойся, — успокоил его Жюль. — Я вчера на учениях все уголки облазил. Видишь там, на пригорке возле опушки, толстый бук?

— Бук, не бук, ничего не вижу.

— Так вот, там тропа, на которой полно кроличьего помета. По ней кролики ходят в поле.

Процессию замыкал Летелье, и каждый шаг по травянистым кочкам пробуждал в нем массу воспоминаний, которые он сам себе озвучивал:

— В это время много перепелок, их ловили леской. А однажды в поле, совсем рядом с моим домом...

Они вошли в лес. Возле бука Бриссе долго принюхивался к кроличьему запаху, идущему от поросших мхом краев тропы. Потом Жюль присел на корточки, Летелье примостился рядом, и они начали мастерить силок. Дюваль, глаза которого так и не привыкли к темноте, вздрагивал при каждом хрусте ветки.

— Кто-то идет, — прошептал он.

— Отстань, трус несчастный! — огрызнулся Жюль.

— А я говорю, кто-то идет. Я слышу.

Жюль обернулся. Между деревьев маячила высокая фигура в длинном плаще, чуть чернее ночной тьмы.

— Ложись, ребята! Лейтенант!

Но было поздно: Сермюи все слышал.

— Ничего не выйдет! Вылезайте все трое! — крикнул он.

Плащ застыл в нескольких шагах от них, и из-под него доносилось нервное пощелкивание: постукивание хлыста по кожаному голенищу.

— Бриссе... Летелье... Дюваль... — произносил барон, по мере того как троица поднималась с травы. — Почему вы покинули расположение части без разрешения? Отвечайте!

— Скажи ему, что мы ходили добыть еды. Ну скажи... — шепнул Дюваль на ухо капралу.

А в голове Жюля зашевелилась совсем другая идея — безумная, искушающая. Сейчас ночь, до расположения части метров пятьсот, их трое, а лейтенант один...

Лейтенант прошел мимо них и оказался на тропе. Отбрасывая силок носком сапога, он на секунду повернулся к ним спиной. Дюваль трясся от страха и холода.

«Эх, надо было взять с собой Февра, — подумал Жюль. — Февр силен как бык».

— Не мешало бы вам знать, что я не терплю браконьерства, — бросил, обернувшись, Сермюи и остановился перед капралом. — Бриссе, возлагаю ответственность на вас как на старшего по званию. Назначаю вам восемь суток ареста.

Жюль машинально вытянулся по стойке «смирно». Момент для мести был упущен.

«Ладно, в другой раз, — сказал он себе. — В долгу не останусь».

— Что же до остальных... — помедлил Сермюи.

Он уже хотел было сказать: «Остальные получают четыре дня», но вспомнил о Даме Сердца, ко-

торая так привыкла к денщику Летелье и за которой эти четыре дня, конечно же, будут плохо смотреть, и принял решение:

— Что до остальных, они получают то же наказание, но после. Возвращайтесь в часть.

V

Те восемь дней, что Жюль Бриссе провел под арестом, обернулись для Летелье сущим адом. Все обращались с ним так, словно капрала наказали именно из-за него.

— Это все ты. Из-за тебя на губу посадили одного Бриссе. Ты ведь у лейтенанта в любимчиках! Иначе сидел бы там же. Верно, ребята? — говорил Дюваль, платя Летелье черной неблагодарностью.

— Был бы я денщиком, — говорил путевой обходчик Февр, — то уж знал бы, что делать.

— А что ты хочешь, чтобы я делал? — в отчаянии отбивался Летелье. — Не убивать же его, эту скотину!

— Речь идет не о скотине, а о людях, — подначивал Дюваль, пыхтя трубкой. — Есть тут некоторые вроде тебя... У них не хватает духу даже вступить за товарища.

Бедного Летелье довели до того, что к концу недели он уже готов был пообещать что угодно.

Сидя под арестом, Жюль снова накопил в душе злобу, а когда вышел, его встретили как мученика.

— Мы тут тебя дожидались. Есть одна штука, которая без тебя никак не состоится, — сказал Февр. — Для тебя приготовили спектакль.

Взвод построился перед конюшнями, на просторном дворе фермы. Люди ждали, взяв под уздцы лошадей. Шел дождь.

Сермюи обходил всех, совершая обычный осмотр снаряжения. Приподняв крыло седла Бриссе, чтобы проверить, правильно ли затянута подпруга, он вдруг заметил, как Дюваль подмигнул капралу. Барон пригляделся, но ничего особенного не обнаружил и направился к Даме Сердца, которую держал под уздцы Летелье, стоявший во главе взвода.

Едва Сермюи поставил ногу в стремя и оттолкнулся от земли, как седло ушло из-под него, и он шлепнулся в грязь. Правда, тотчас же сумел вскочить на ноги. Шинель его была вся в глине и навозе. За спиной послышались смешки. Барон осмотрел седло и, взявшись за пряжку подпруги, обнаружил, что два толстых кожаных ремня грубо перерезаны ножом. Он сразу вспомнил, как перемигивались Дюваль с Бриссе, а Летелье даже не двинулся с места, чтобы помочь ему.

Сермюи обернулся. Смешки стихли.

— Летелье, подними седло! Живо! — скомандовал он.

Летелье подбежал.

— Сними подпругу!

Летелье быстро орудовал пальцами, не соображая, правильно ли отстегивает подпругу. «Он понял... Он все понял...» И от тоски у Летелье засало под ложечкой.

— Поставь седло на место.

Летелье послушался. «Но в седло без подпруги никак...»

Все взгляды были прикованы к его рукам.

— А теперь вытри его!

Денщик схватился за край шинели.

— Нет! Собственной задницей! Живо в седло!

Летелье был коренастый и тяжелый, намокшая одежда сковывала движения, ноги словно укоротились от страха. Он сделал пять-шесть попыток взобраться в седло, но безуспешно. Летелье слышал, как хлыст лейтенанта постукивает по сапогу. Кобыла начала нервничать, вертеться и пятиться.

Запыхавшийся, багровый от напряжения, Летелье мешком повис где-то в области холки и взмолился:

— Господин лейтенант, это не по моей вине...

— Я сказал — в седло!

Денщик сделал последнее усилие, грудью перевалился через переднюю луку и заполз в седло. Ноги его пытались нащупать в воздухе слишком далеко висящие стремяна.

Тогда Сермюи, который впервые в жизни так грубо обошелся с лошадью, подхлестнул ее сзади по крупу. Дама Сердца пустилась в галоп.

Летелье какое-то время балансировал, вцепившись в шею лошади, потом сполз набок и, сделав немислимый кульбит, упал на землю.

— А ну вставай!

Летелье не шевелился. Дама Сердца сама вернулась и встала на место впереди других лошадей. По взводу прокатился ропот. Все тут же забыли, что сами спровоцировали лейтенанта.

— Кто-нибудь двое, помогите ему подняться.

Ни Бриссе, ни Дюваль, ни Февр не двинулись с места.

Когда подбежали к Летелье, он был весь белый, как погасшая свеча. На щеках выступила тонкая сеточка сосудов. Он лежал в грязи и дрожал, держась обеими руками за сломанную ногу.

VI

После этого за все время, пока взвод стоял на постое, не было ни одного происшествия.

Каждый раз, когда Жюлю говорили: «Все-таки надо было что-то сделать», тот отвечал: «Ладно, ничего. Вот начнется настоящая драка, тогда он за все заплатит».

К апрелю Летелье вернулся в часть и стал добросовестным денщиком.

После того как в мае отбили атаку немцев, разведгруппа, в которую входил эскадрон Нуайе, проникла в Бельгию.

Первые два дня прошли спокойно, и группа покрывала милю за милей по цветущим фламандским полям. Утром третьего дня, когда взвод Сермюи проезжал через одну из деревень, его обстреляли из пулемета. На то, чтобы обыскать деревню и выбить из нее вражеский дозор, ушло около часа. Во взводе было двое раненых, и в их числе Дюваль, получивший пулю в плечо.

— Вот видите, — говорили бойцы, — не зря он боялся: первым на пулю и нарвался.

Во время перестрелки лейтенант отдавал приказы, по обыкновению, сухо и от пуль не прятался, словно все еще находился в деревне на постое.

На следующее утро, когда Сермюи, как обычно, ехал во главе эскадрона, высланные вперед раз-

СОДЕРЖАНИЕ

ПОВЕЛИТЕЛИ ПРОСТОРОВ. Перевод О. Егоровой	
Сигнал «Гончие, вперед!»	5
Дом с привидениями	38
Мурто	51
Ночной патруль	59
Всадник	64
Белокурая девушка	74
Апоплексический удар	83
ПОЕЗД 12 НОЯБРЯ, ИЛИ НОЧНОЙ ОБЗОР	
<i>Перевод Л. Ефимова</i>	94
ОСОБНЯК МОНДЕСОВ. Перевод Л. Ефимова	127
СЧАСТЬЕ ОДНИХ. Перевод С. Васильевой	
Каникулы господина Залкина	194
Стеклянный гроб	215
Ваша однодневная супруга	231
Торговец чудесами	251
Черный принц	270
НЕСЧАСТЬЕ ДРУГИХ. Перевод О. Егоровой	
Невезение	285
Такая большая любовь	301
Огненное облако	312
Гусар из Восточного экспресса	317
Прежняя любовь	327
Госпожа майор	341